

Л.Г. Ефанова

Томский государственный педагогический университет

Норма видовой идентичности как фрагмент функционально-семантического поля нормы

Аннотация: Статья посвящена исследованию одного из сегментов функционально-семантического поля нормы в аспекте его структурных особенностей и средств выражения категориальной семантики.

One of the segments functional-semantics field of norm in the article examines in the angle it's structure and means of category semantics expression peculiarities.

Ключевые слова: семантическая категория, функционально-семантическое поле, норма, аномалия.

Semantics category, functional-semantics field, norm, anomaly.

УДК: 821.0

Контактная информация: Томск, ул. К. Ильмера, 15/1. ТГПУ, кафедра современного русского языка и стилистики. E-mail: efanova@sibmail.ru.

Семантическая категория нормы отражает присутствующие в языковом сознании коллектива и регулярно выражаемые при помощи специализированных языковых средств стереотипные представления об основных свойствах объектов того или иного класса, принятые в качестве должного и потому положительно оцениваемого состояния для этих объектов и способные выступать в качестве средства их измерения и оценки. Наиболее важными составляющими семантической категории нормы являются представления о должном и свойственная им положительная оценочность. По этой причине отклонения от нормы воспринимаются как не соответствующие имеющимся у носителей языка представлениям о должном и получают отрицательную оценку.

Особенностью средств выражения семантики нормы в значениях языковых единиц является то, что явления, соответствующие норме, в большинстве случаев не имеют в языке прямого обозначения. Формальной языковой невыраженности нормы противопоставлена обязательная отмеченность в языке аномалий. «Выражения, связанные с нормой, в первую очередь указывают на отклонения от нее, что представляется вполне естественным: соответствие норме как бы входит в фоновые знания» [Вольф, 1988, с. 128]. Общие для всех языков когнитивные механизмы этого явления заключаются в том, что «человек стремится не столько к единообразному кодированию одного и того же значения... сколько к тому, чтобы нормальное положение дел в мире выразить максимально экономным образом (в идеале – вообще не выразить), и наоборот, для означивания ненормальных ситуаций использовать специальные кодирующие средства» [Кибрик, 2005, с. 45].

Разнообразие средств выражения отношения к норме позволяет представить эту категорию в виде функционально-семантического поля, под которым понимается «семантическая категория, рассматриваемая в единстве с грамматическими и лексическими средствами ее выражения в данном языке» [Бондарко, 2002, с. 10]. В функционально-семантическое поле нормы входят отдельные слова, фра-

зеологизмы и синтаксические конструкции, которые обозначают как явления, соответствующие имеющимся в сознании носителей языка представлениям о должном, так и разного рода аномалии.

По механизму своего действия категория нормы относится к числу оценочных категорий. В отличие от описательных семантических категорий, формирующихся в результате прямого контакта между субъектом и объектом восприятия, оценочные категории представляют собой итог такого взаимодействия между субъектом и объектом, которое опосредовано основанием оценки [Ивин, 1997]. Процесс оценивания состоит в сопоставлении объекта оценки с ее основанием. У категории нормы роль основания оценки выполняют имеющиеся у субъекта представления о должном (нормальном) состоянии ее объекта.

В зависимости от содержания основания оценки и того, при помощи каких языковых средств выражается несоответствие предмета или явления норме, можно выделить несколько основных разновидностей норм. Так, в частности, в основании **параметрической нормы** лежат стереотипные представления о размерных или количественных параметрах объекта, недостижение или превышение которых воспринимается как аномалия (напр.: *домишка – домина, короткий-прекороткий – длиннющий*). Основанием **нормы комплектности** являются представления об обычных внешних или содержательных характеристиках объекта как о единстве составляющих его частей (напр.: *беспалый – пятипалый – шестипалый, как без рук – пятое колесо в телеге*). **Норма количества** статического или динамического **признака одушевленного субъекта** отражает стереотипные представления об обычной степени интенсивности проявления в субъекте какого-либо постоянного признака или частоты и силы регулярно осуществляемого им действия (напр.: *болтун – молчун, невежда – грамотей*) и т.д.

Разнообразие частных разновидностей норм и соответствующих им средств выражения дает основание представить семантическую категорию нормы в виде поля, обладающего полицентрической структурой и включающего в свой состав несколько составных элементов. Одним из таких элементов является норма видовой идентичности.

Основанием **нормы видовой идентичности** являются представления носителей языка об относительном тождестве объектов как представителей одного вида и обладателей определенного наименования. Для того чтобы получить это наименование, названный объект должен обладать рядом признаков, которые позволяют идентифицировать его как представителя своего вида. Нарушения этого принципа наблюдаются в двух случаях: во-первых, если объект по своим свойствам имеет сходство с предметами другого вида и вступает с ними в отношения **псевдоидентичности**, и, во-вторых, если объект не отождествляется ни со своим, ни с иным видом по причине **недостаточности** у него необходимых **идентификационных признаков**. Разные причины отклонения от нормы видовой идентичности позволяют выделить две частные разновидности этой нормы, объединенные общим основанием оценки.

Отношения псевдоидентичности обозначены Ю.Д. Апресяном как «признак «кажимости», несовпадения фактического положения дел с тем, что представляется наблюдателю». Этот признак «лежит в основе важного для языка противопоставления реального и мнимого (воображаемого или обманного) миров. Лексика, которая используется для обозначения картин и образов мнимого мира, представлена всеми знаменательными частями речи и даже некоторыми служебными единицами – союзами (ср. *будто, якобы*) и словообразующими элементами (ср. *псевдо-, квази-, лже-, ложно-*). В число основных лексических средств обозначения явлений мнимого мира Ю.Д. Апресян включает «названия обманных действий и их результатов, а также названия некоторых обманных состояний и свойств» [Новый объяснительный словарь, 2000, с. 290–291], в том числе слова *притворяться, симулировать, напускной, фальшивый, подделка, мистификация,*

блеф и т.д. Перечисленные языковые единицы представляют основные лексические и словообразовательные средства выражения семантики псевдоидентичности в функционально-семантическом поле нормы видовой идентичности. Мы полагаем, что список средств обозначения явлений «обманного мира» может быть расширен за счет прилагательных с формантами *-видн(ый)*, *-образн(ый)* и *-подобн(ый)* (напр.: *зверовидный, старообразный, скотоподобный*), а также некоторых отыменных глаголов, выражающих отрицательную оценку поведения лица (напр.: *обезьянничать, офранцузиться*), конструкций со сравнительно-уподобительными предложениями (*вроде, наподобие, в виде* и т.д.) или формой творительного падежа, выражающей сравнительно-уподобительное значение (напр.: *выть волком, бирюк-бирюком*). Каждое из названных языковых средств выражения семантики отношения к норме видовой идентичности имеет свои особенности.

Словообразующие элементы *квази-*, *лже-*, *ложно-* и *псевдо-* имеют общее значение «мнимый», «ненастоящий» и выражают отношение к норме лишь в том случае, если обладают отрицательной оценочностью (напр.: *квазиученый, лженаучность, ложнорусский, псевдонародный*). Особенностью семантики производных с этими элементами является то, что они выражают отношения подобия, представляя их в виде отношений тождества. «Отношения тождества и подобия и близки, и в то же время глубоко различны». Близость этих отношений определяется общим для их функционирования механизмом сравнения, а причиной различий является то, что «сходство – это отношение между разными объектами; тождество – это отношение между разными “явлениями” одного объекта» [Арутюнова, 1999, с. 294] или представителями одного класса объектов. Одним из отличительных признаков сходства является его способность проявляться с разной интенсивностью, быть полным или неполным, т.е. обладать неодинаковой степенью градации. Напротив, отношения тождества характеризуются отсутствием градации. «Тождество не образует шкалы: между тождественностью и нетождественностью нет переходных ступеней. Оно соотносится только с двумя ситуациями действительности: тождественностью объекта самому себе и отсутствием тождества» [Там же, с. 276]. В тех случаях, когда сходство имеет высокую степень проявления, становится возможным представить отношения подобия как имитацию тождества и дать им нормативную оценку. Объектом такой оценки становится то, что не является подлинным, но выдается за него, а основанием – имеющееся у социума представление о свойствах, определяющих подлинность данного объекта.

Так, в частности, используемые в юриспруденции слова *лжеприсяга, лжесвидетель, лжесвидетельство* обозначают ситуацию намеренного искажения истины субъектом обозначенных ими действий. Истина в данном случае воспринимается как точное (тождественное действительности) отражение событий и не может подвергаться градации. Эта норма может быть нарушена субъектом ложной информации только сознательно, путем намеренного обмана, что становится причиной отрицательной оценки этого действия со стороны носителей языка. Неградуируемость обозначенных названными словами понятий придает им терминологическую точность, а значение нарушения нормы способствует возникновению необычной для терминов оценочности.

Оценочная семантика свойственна также словам *лженаука, лжеискусство, лжепророчество, лжепроблема, лжетеория, лжетолкование, псевдоученость, псевдоноваторский, псевдоисторизм* и т.д. Вместе с тем эта оценка отличается от той, которую выражают юридические термины, своим объектом, в качестве которого выступают в данном случае не намерения субъекта ввести кого-либо в заблуждение, а результаты его научной, художественной, духовной или идеологической деятельности. Названные виды деятельности направлены на отражение действительности, однако представляют ее в особой форме, поскольку предполагают творческую активность их субъекта. Результат данных видов деятельности

также может быть оценен с точки зрения истинности, однако, в отличие от юридической, такая истинность в силу новизны передающей ее информации не может быть подтверждена путем установления отношений тождества с очевидно доказуемым фактом, в связи с чем ее оценка нередко производится на основе менее надежных отношений сходства с уже имеющейся информацией (новая истина не должна противоречить имеющимся у социума знаниям). Отрицательный характер оценки обусловлен в данном случае тем, что ее субъект считает результаты чьей-либо научной, художественной или идеологической деятельности не соответствующими норме, причем эта оценка может распространяться на субъекта этой деятельности (напр.: *лжеученый, лжепророк, квазисоциалист, псевдореволюционер*).

Элементы *квази-*, *лже-*, *ложно-* и *псевдо-* чаще всего используются в естественнонаучных и искусствоведческих терминах, лишенных оценочной семантики. В составе терминов естественных наук эти элементы не имеют значения нарушения нормы и служат средством обозначения предметов по аналогии с другими предметами путем указания на высокую степень сходства между ними (напр.: *лжеакация, ложноногие, псевдоопал, квазичастицы* и др.). Не выражают отрицательной нормативной оценки также искусствоведческие термины, характеризующие особенности стиля (напр.: *ложноклассицизм, псевдоготика, лжеклассический*), поскольку обозначают сознательную и не предполагающую нарушения чьих-либо авторских прав имитацию результатов чужого творчества.

В отличие от рассмотренных выше, элементы сложных прилагательных *-видный*, *-образный* и *-подобный* (напр.: *венчиковидный, сигарообразный, асфальтоподобный*) не имеют этимологической связи с наименованиями отрицательно оцениваемых явлений и выражают лишь значение подобия, не стремящегося к тождеству. Значение несоответствия норме, выражаемое производными с этими элементами, в значительной мере ситуативно и зависит от контекста. Так, например, слова *мешковидный* и *мешкообразный* приобретают это значение в тех случаях, когда обозначают форму человеческого тела, но не выражают семантику нормы в других контекстах (ср.: *мешкообразное туловище* и *мешковидные клетки алоэ*). Тем не менее, некоторые из таких производных регулярно используются именно для обозначения определенного рода аномалий. В частности, слова *научовидный, наукоподобный, наукообразный (текст)* имеют значение «обладающий внешними признаками научности» и семантически близки производным *лженаучный, квазинаучный, псевдонаучный*.

Значительное число слов с элементами *-образный* и *-подобный* используется для характеристики человека по тому или иному (чаще негативному) признаку. В частности, слово *старообразный* характеризует человека, выглядящего намного старше своих лет, что воспринимается как аномалия, в то время как для обозначения противоположного свойства используется суффиксальное производное *моложавый*, не выражающее отрицательной оценки. Отрицательно оценивается сходство человека с представителями противоположного пола (ср.: *женеподобный мужчина* и *мужеподобная женщина*), а также с животными (напр.: *обезьяноподобный дикарь, свиноподобный вид, зверовидный* (устар. и разг.) человек, а также *лошадиное лицо, козлоногий* и т.д.). При этом сравнения человека с подобными ему внешне существами высшего порядка отрицательной оценки не выражают (напр.: *ангелоподобный младенец, богоподобный красавец*).

Значение нарушения нормы видовой идентичности способны выражать и некоторые отыменные глаголы, выражающие значение «вести себя не подобающим для своего положения, состояния или для данного места образом». Это значение глаголы выражают в тех случаях, если содержат сравнение человека с животным или иным низшим существом (напр.: *ишачить, обезьянничать, свинячить, собачиться, сатанеть*), а также с лицом, чей образ жизни или поведение не одобряются обществом, напр.: *бродяжить, грубиянить, кокетничать, лентяйничать,*

лицемерить, мошенничать, стервенеть, фашиствовать, чудачить. Отрицательную оценку в большинстве своем выражают и отыменные глаголы, называющие действие, характерное для какого-либо места, но осуществляемое за его пределами, напр.: *балаганить* и *балаганничать* (прост.), *базарить* и *базарничать* (прост. – беспорядочно говорить, шуметь).

Еще одна группа слов, выражающих значение несоответствия норме видовой идентичности, включает в свой состав отыменные глаголы с формантом *о(б)- ...-ся*, объединенные общим значением «утратив характерные для своего пола, национальности и сословия черты, приобрести свойства нечеловеческого существа или человека иной национальной, культурной, социальной общности, противоположного пола», напр.: *ообиться, омецаниться, омужичиться, онемечиться, ополячиться, оскотиниться, остервениться, офранцузиться*. Порицаются также попытки насильственно привить человеку черты другой нации: *онемечить, ополячить, офранцузить*.

Значение несоответствия норме видовой идентичности выражают некоторые конструкции с формой творительного падежа, выражающие сравнительно-уподобительное значение. Значение несоответствия норме такие конструкции выражают лишь в тех случаях, когда содержат отрицательную оценку, напр.: *сидеть мешком, скакать козлом*. Особенно часто формы творительного сравнительно-уподобительного встречаются в составе фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний слов: *стоять столбом, выть волком, реветь белугой, смотреть букой, ходить кикиморой, мелким бесом рассыпаться, чертом глядит*. Отклонения от названного типа нормы обозначают и другие фразеологизмы, содержащие явное или скрытое сравнение человека с животными или неодушевленными предметами, а также с некоторыми представителями потустороннего мира и при этом выражающие отрицательную оценку, например: *как от козла молока, пятиться как рак, как кошка с собакой, как черт от ладана, как бес перед заутренней, не как у людей, белая ворона, страусовая политика, попасться на удочку, шишка на ровном месте, кикимора болотная* и т.п.

Вторая разновидность несоответствие предмета норме видовой идентичности – **недостаточность идентификационных признаков** – обозначается при помощи языковых единиц, указывающих на то, что предмет не имеет выраженных признаков принадлежности к тому или иному классу. Значение отклонения от этой разновидности нормы выражается преимущественно средствами синтаксиса, при помощи конструкций с повторяющимися союзами *ни ... ни.., и ... и.., не то ... не то.., то ... то.., то ли ... то ли ...* (напр.: *ни рыба ни мясо; и нашим и вашиим; то густо, то пусто; то ли дождик, то ли снег*), а также с помощью имен существительных, обозначающих предмет или явление по неосновному признаку (напр.: *временка, деревяшка, грабиловка, говорильня*).

Среди обозначений предметов по неосновному признаку способность выражать семантику несоответствия норме видовой идентичности чаще всего приобретают наименования артефактов, а также целенаправленных процессов и их результатов. Искусственные объекты, как правило, создаются для выполнения определенной функции, название которой нередко используется в их наименованиях (напр.: *скакалка, метла, холодильник*); в качестве мотивирующих слов для наименований искусственных объектов могут использоваться также названия предметов, значимых для выполнения артефактами своей функции, напр.: *столовая, ушанка*. В свою очередь, существительные, обозначающие целенаправленные действия и их результаты, обычно бывают производными от называющих это действие глаголов (напр.: *собрание, производство, сочинение*). Однако помимо главных признаков артефакты и целенаправленные действия имеют и ряд неосновных или даже не присущих им в норме свойств, также способных мотивировать их обозначения. Как правило, такие обозначения используются в разговорной речи или просторечии и представляют собой «слова с очень общей или

аморфной семантикой (слова-«губки»)), напр.: *железка, стекляшка, тарактелка, об(д)ираловка, тошиловка, говорильня* (любое мероприятие, во время которого много говорят), *мазня* (о картине), *писанина* и т.д. «Значение таких слов конкретизируется ситуацией и контекстом; например, *забегаловкой* может быть названо кафе, столовая, закусочная, буфет и т.п.» [Русский язык: энциклопедия, 1997, с. 405]. Эти и подобные наименования не дают возможности определить видовую отнесенность именуемого объекта без пояснительного контекста, а выражаемая ими неодобрительная оценка является дополнительным показателем того, что эти объекты не отвечают нормативным требованиям.

Семантика нормы видовой идентичности может быть выражена при помощи конструкций с повторяющимися союзами, напр.: *ни то ни се; и нашим и вашим; то густо, то пусто, то ли дождик, то ли снег*. Особенно явно значение несоответствия норме выражается конструкциями с союзами *ни ... ни.., и ... и..*, используемыми в составе пословиц и поговорок. Паремии с такими союзами содержат характеристику человека по его личностным свойствам и деловым качествам (напр.: *ни рыба ни мясо, ни Богу свечка ни черту кочерга, ни тпру ни ну, ни Миша ни Гриша, ни то ни се, ни пришей ни пристегни*), поведению и отношению к другим членам коллектива (*ни пава ни ворона; ни нашим ни вашим, ни из короба, ни в короб, ни шьет ни порет, и нашим и вашим*) по внешним признакам и внутреннему состоянию (*ни кожи ни рожги, ни жив ни мертв*), но могут содержать также и характеристику целой ситуации (напр.: *ни стрижено ни брито, ни куется ни плющится, ни туда ни сюда, ни два ни полтора, ни к селу ни к городу, ни складу ни ладу, ни шатко ни валко (ни на сторону), ни так, ни сяк, ни этак*).

Компоненты этих паремий находятся друг с другом в отношениях системной или контекстной антонимии: *рыба – мясо, Бог – черт, тпру – ну, то – сё, пришей – пристегни, пава – ворона, наши – ваши, из – в, да – нет, шьет – порет, так – сяк, жив – мертв, стрижено – брито, туда – сюда, туда – оттуда*. Даже в тех случаях, когда явной антонимии между компонентами паремий не наблюдается, она часто восстанавливается при этимологическом анализе. Так, например, в пословице *ни Богу свечка ни черту кочерга* слово *кочерга* обозначает «деревянную обгорелую палку, которую можно было использовать как коптящую лучину – для освещения избы» [Мокиенко, 2007, с. 165]. Просторечный фразеологизм *ни уха ни рыла (не смыслить)*, возможно, первоначально имел форму *ни ухом ни рылом не смыслит*, «т.е. ни понять слышанное, ни сказать толком не сумеет» [Там же, с. 716]. Исходное значение выражения *ни шатко ни валко (ни на сторону)* – Ирон. `Ни хорошо, ни плохо; не лучшим образом`; `застопорилось дело, идет плохо, медленно` «объясняется тем, что такелажники при переноске тяжелого предмета сначала шатают его, чтоб сподручней взяться. Если не получается, валят на землю и пробуют нести в горизонтальном положении. А чаще предмет наклоняют немного в сторону и так перекатывают его до места» [Зимин, 2006, с. 125]. Наконец, оборот *ни складу ни ладу* (об отсутствии логики, смысла, стройности в чем-л.) произошел от сравнения с плохой песней, в которой неудачно подобрана музыка (*лад*) и несладные по смыслу или рифме слова [Бирих и др., 2005, с. 639].

Конструкции с повторяющимися союзами, как правило, используются в пословицах для выражения отрицательной оценки обозначаемой ими ситуации. Исключение составляет оборот *ни убавить ни прибавить* к чему – о чем-либо, в чем нельзя абсолютно ничего изменить, исправить; что-либо совершенно ясное и понятное, что не требует пояснений. Обозначенная этим оборотом ситуация оценивается говорящими положительно, поскольку совпадает с серединным участком нормативной шкалы, т.е. соответствует норме, в то время как словом *убавить* называется недостижение нормы, а словом *прибавить* – ее превышение.

Все остальные описываемые нами пословичные выражения с повторяющимися союзами обозначают отрицательно оцениваемые аномальные свойства и ситуации. Так, в частности, обороты *ни рыба ни мясо* (– *ни кафтан ни ряса*), *ни*

Богу свечка ни черту кочерга, ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан используются для выражения отрицательной оценки посредственного, ничем не выделяющегося человека, не имеющего отличительных индивидуальных свойств, часто вялого и равнодушного. Представления о посредственности в данном случае не занимают срединного участка на шкале измерения какого-либо нормативного признака, а находятся на пересечении границ двух разных и противопоставленных друг другу понятий. Такая ситуация противоречит представлениям о соблюдении нормы видовой идентичности, поскольку не дает возможности определить характер человека и часто способствует составлению о нем мнения как о несведущем и неумелом (напр.: *ни уха ни рыла (не смыслить), ни пришей ни пристегни*).

Норма видовой идентичности не соблюдена и в ситуациях, когда невозможно определить социальный статус и идейные позиции личности (напр.: *ни пава, ни ворона* – о человеке, который отошел от своей среды и не пристал к другой или по своим взглядам, интересам и т.п. отошел от одних и не примкнул к другим), его симпатии и антипатии (напр.: *ни (и) нашим ни (и) вашим, и волки сыты, и овцы целы* – о положении, которое создается в результате стремления угодить людям с различными взглядами, интересами и т.п.). По причине несоблюдения нормы видовой идентичности при характеристике целей и намерений получает отрицательную оценку человек безынициативный, не способный принять определенного решения и осуществить необходимые действия для его выполнения (напр.: *ни да ни нет, ни туда (и) ни сюда, то туда то сюда, ни тпру ни ну, ни шьет ни порет, ни то ни се (не говорит)*).

Оценку с точки зрения нормы видовой идентичности могут получать целые ситуации, направление развития и исход которых остаются неопределенными, напр.: *ни то ни се (Погода – ни то ни се: то дождь, то солнце), ни два ни полтора* – неизвестно как – ни плохо, ни хорошо (будет, получается и т.п.), *ни туда (и) ни сюда, то туда, то сюда, (и) туда (и) сюда, ни тпру ни ну*. Причиной отрицательной оценки человеческого поведения и ситуаций, не отвечающих требованиям нормы, может быть их неуместность и ненужность как следствие неопределенного назначения предмета или не уточненной цели действия (напр.: *ни к селу ни к городу, ни пришей ни пристегни*).

Исследование семантики нормы видовой идентичности и способов ее представления в языке позволяет представить ее в качестве одного из участков ФСП нормы, который, в свою очередь, обладает сложной полевой структурой. Ядро поля нормы видовой идентичности составляют слова и выражения, обозначающие соответствующее норме положение вещей, напр.: *естественный, истинный, конкретный, настоящий, натуральный, однозначный, определенный, подлинный, четкий, явный, быть самим собой, остаться верным себе* и т.д. На периферии названного поля находятся единицы разных уровней языка, используемые для обозначения тех или иных отклонений от нормы видовой идентичности. В зависимости от того, какой тип отклонений от нормы обозначают эти единицы, периферия поля нормы видовой идентичности может быть разделена на две области, к одной из которых относятся производные слова и фразеологизмы, выражающие значение псевдоидентичности, а к другой – слова и синтаксические конструкции, указывающие на то, что у обозначенных ими предметов отсутствуют признаки, достаточные для их идентификации.

Предметом оценки с точки зрения нормы видовой идентичности становятся обычно разные проявления человека, включая его внешний вид (напр.: *ходить кикиморой, обезьяноподобный*), личностные качества (напр.: *овца-овцой, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан*), поведение (напр.: *псевдогероизм, дебоширить*), состояния (напр.: *не в себе, сам не свой*), качество передаваемой или создаваемой им информации (напр.: *лжетеория, лжесвидетествовать*), отношение к труду

или к другим членам коллектива (напр.: *работать как лошадь, ни богу ни бесу*), а также результаты его деятельности (напр.: *говорильня, пачкотня*).

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М, 1999.
- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь. М., 2005.
- Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М., 2002.
- Вольф Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 124–143.
- Зимин В.М., Спиринов А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Ростов-на-Дону, 2006.
- Ивин А.А. Основы теории аргументации. М., 1997.
- Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2005.
- Мокиенко В.М. Образы русской речи. М., 2007.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2000. Вып. 2.
- Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997.